

© 2019 г.

А. В. ЛОМАНОВ

КИТАЙСКАЯ ДИСКУССИЯ О «КРАСНОМ ИМПЕРИАЛИЗМЕ» И ОТНОШЕНИИ К СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Ломанов Александр Владимирович — доктор исторических наук, профессор РАН, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (Москва, Россия).

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-21-10001 «Идейно-культурное влияние России на “Движение за новую культуру” в Китае (1915—1925)».

DOI: 10.31857/S013038640003804-2

В начале октября 1925 г. китайская интеллигенция развернула спор о том, можно ли называть СССР страной «красного империализма». Главной площадкой для дискуссии стало выходившее в Пекине приложение к газете «Чэньбао», во главе которого стоял либерально настроенный поэт и публицист Сюй Чжимо.

За несколько недель спор обрел широкие масштабы, в нем приняли участие несколько десятков человек, среди которых были влиятельные представители интеллектуальных кругов. Обсуждение выявило симпатии и антипатии не только к российской политике в отношении Китая, но и к идеологии и практике коммунистического движения.

ЧЭНЬ ЦИСЮ И ТРАКТОВКА ИМПЕРИАЛИЗМА

Первым залпом в дискуссии о Советской России стала публикация, с которой выступил общественвед Чэнь Цисю (Чэнь Баоинь, 1886—1960)¹. Еще во время обучения в основанной французскими миссионерами средней школе он соприкоснулся с западной культурой. В 1907 г. он отправился учиться в Японию, после подготовительных занятий поступил на правовое отделение Токийского императорского университета. В центре внимания Чэнь Цисю оказались проблемы экономики, в 1914 г. он опубликовал в Шанхае свой перевод книги японского экономиста Усисабуро Кобаяси «Очерк финансов».

В декабре 1916 г. вместе с другими обучавшимися в Японии китайскими студентами Чэнь Цисю принял участие в создании Общества Сюэи, стремившегося к распространению в Китае современных научных знаний и достижений культуры². Он входил в первый состав правления Общества, публиковал в выходившем под эгидой общества журнале «Сюэи» статьи по вопросам конституционализма и европейского федерализма.

Во время учебы в Японии Чэнь Цисю заинтересовался марксизмом, прочел переведенные на японский язык работы К. Маркса и Ф. Энгельса. Большое влияние на формирование его взглядов оказали лекции по марксистской экономической науке профессора Токийского университета Хадзимэ Каваками, который привил интерес к марксизму многим китайским студентам.

¹ Чан Юйжу. Научная деятельность и научные идеи известного экономиста Чэнь Баоиня. — Сычуань цайцзин сюэюань сюэбао, 1982, № 1, с. 77—82.

² Борох О. Н. Журнал Сюэи и распространение в Китае научных знаний в первой половине XX века. — Общество и государство в Китае, т. 48, ч. 1. М., 2018, с. 50—61.

После окончания в 1917 г. факультета права Токийского императорского университета Чэнь Цисю вернулся в Китай. Он приступил к чтению лекций по экономике финансов в Пекинском университете, впоследствии на этой основе в 1924 г. он издал первый в Китае учебник по финансам (Цайчжэнсюэ цзунлунь).

В 1920 г. Чэнь Цисю разработал университетский курс марксистской экономической науки. В тот же год вместе с известным пропагандистом марксизма Ли Дачжао он провел в Пекинском университете серию лекций «Политика эпохи», в которых рассказывал о положении в Советской России после революции 1917 г., о рабочем движении в Китае и за рубежом. В 1921 г. Чэнь Цисю стал руководителем группы исследования «Капитала» при Обществе исследования марксистского учения Пекинского университета, стремившегося к распространению марксистских идей среди студенчества.

В декабре 1923 г. Пекинский университет направил Чэнь Цисю в Европу для стажировки и чтения лекций. Он побывал в Германии, после чего направился в СССР, где несколько месяцев учился в Коммунистическом университете трудящихся Востока в Москве. В 1925 г. он вернулся в Пекинский университет, в 1926 г. Чэнь Цисю направился в Гуанчжоу, где читал лекции по марксизму и пропагандировал идеи революции.

После того как в 1927 г. китайская революция потерпела поражение, Чэнь Цисю на время уехал в Японию и вновь занялся интеллектуальным творчеством. Он написал несколько книг по проблемам экономической теории и политологии, перевел на китайский язык книгу Хадзимэ Каваками «Очерк экономической науки». Опираясь на немецкий текст и сверяя его с японским переводом, он перевел на китайский язык первый раздел первого тома «Капитала» Маркса. Перевод Чэнь Цисю опубликован в Шанхае в марте 1930 г., это было первое издание «Капитала» на китайском языке. В это же время Чэнь Цисю занимался переводами произведений русского писателя М. Горького.

После возвращения в Китай в 1930 г. Чэнь Цисю занимался политической деятельностью и пропагандистской работой. Вскоре после образования КНР он в 1951 г. занял пост ректора Чунцинского финансово-экономического института, после реорганизации он возглавил группу по образованию временного рабочего комитета Сычуаньского финансово-экономического института. В 1956 г. он был аттестован как профессор первой категории по экономической науке, в 1959 г. его выбрали в состав постоянного комитета НПКСК третьего созыва³.

Обращение к научной биографии Чэнь Цисю, в которой присутствует четко выраженный интерес к проблемам экономической науки и финансов, помогает понять акценты, расставленные в статье 1925 г. о невозможности поделить империализм на «белый» и «красный»⁴. Чэнь Цисю отметил, что есть много трактовок сущности империализма, однако в целом их можно разделить на философскую, политическую и экономическую. В качестве примера философского подхода он сослался на книгу французского публициста Э.-А. Сельера «Философия империализма»⁵. В ней речь идет о стремлении к развитию вовне, которое может обретать различный облик в зависимости от статуса и цели человека. Идеи внешней экспансии расы Ж. Гобино образуют расовый империализм, экспансия героя у Ф. Ницше — империализм сверхчеловека. Устремление простых людей к свержению аристократии создает «сословный империализм», тогда как акцент Маркса на классовой борьбе дает возможность говорить о «классовом империализме».

³ Цянь Цзинь. Выдающийся пропагандист экономической науки марксизма — Чэнь Баоинь. — Цзинцзисюэцзя, 2013, № 11, с. 102.

⁴ Чэнь Цисю. Империализм делится на белый и красный? — Чэньбао шэхуэй чжоукань, 6.X.1925.

⁵ Seillière E.-A. La Philosophie de l'impérialisme, 4 volumes. Paris, 1903—1908.

В политическом смысле империализм означает агрессию и территориальную экспансию. Древними примерами служат Афины и Спарта, Римская империя, в новое время — империя Наполеона.

В экономическом смысле империализм означает осуществление экономической агрессии на высшей стадии развития капитализма. По словам Чэнь Цисю, временами экономическая экспансия сопровождается политической агрессией, и потому внешний облик экономического империализма может смешиваться с политическим империализмом. Однако политический империализм и капитализм друг с другом не связаны. А вот экономический империализм появляется ради спасения капитализма от уничтожения внутри страны в результате уменьшения прибылей или подъема классовой борьбы. Главной целью выступает экономический интерес, что не было присуще политическому империализму.

Китайский интеллектуал заявил, что ныне об империализме говорят в экономическом смысле, но не в философском и не в политическом — последним занимаются разве что историки, которые пишут книги о «римском империализме». По мнению Чэнь Цисю, понятие экономического империализма появилось в 1881—1885 гг., когда европейские державы делили Африку, и оно распространилось в мире после англо-бурской войны на рубеже веков. Поэтому современный экономический империализм пришел из Британской империи вместе с «большими именами» Джозефа Чемберлена и Роберта Солсбери в связи с развитием капитализма. Однако английские ученые и политики это явление не описали. Теорию экономического империализма разработали соперничавшие с британцами за колонии немцы, в особенности социалисты, для которых тогда мировым центром была Германия. Именно они предсказали грядущий распад системы экономического империализма и предложили планы его ускорения. В Европе более других угнетению экономического империализма подверглась Россия, там представителем движения против империализма стал В. И. Ленин.

Чэнь Цисю выделил три теоретических учения об экономическом империализме.

К. Каутский назвал империалистическим высокоразвитое индустриальное государство, которое подчиняет себе сопредельные аграрные страны. Это не вполне точно, поскольку есть примеры стремления империализма захватить другие промышленные страны, примерами чему служат притязания Германии на Бельгию и Франции — на левый берег Рейна.

Р. Гильфердинг оценил империализм как неизбежную политику эпохи развитого финансового капитала, которому нужны рынки сбыта для поддержания высоких прибылей собственной промышленности и сохранения своего господства. Это объяснение также является неполным, поскольку не указывает на причины свержения капитализма, т.е. не проясняет противоречия в развитии капитализма.

В. И. Ленин охарактеризовал империализм как высшую и последнюю перед его гибелью стадию капитализма. На этом этапе капиталисты не только превращают свободную конкуренцию внутри страны в монополию, но также делят мировые рынки сбыта и сырья, создают международные картели. Происходит не только экспорт товара, но и капитала; капиталисты становятся силой не только в экономике, но и в политике. Схватки в борьбе за колонии ведут к росту военной напряженности, подготовка к войнам становится тяжелым бременем для населения и приводит к обострению классовой борьбы. Рост сопротивления колониальных и полуколониальных народов предвещает смертный приговор империализму. Его уже услышали немецкий кайзер Вильгельм II и русский царь Николай II, теперь его готовят для британского империализма. Чэнь Цисю предположил, что после Германии и России от системы мирового империализма отпадут Великобритания и Япония. Отметим, что этот прогноз полностью соответствовал задачам текущего момента, поскольку именно против этих двух стран была нацелена китайская антиимпериалистическая борьба в период Движения 30 мая.

От этих теоретических рассуждений Чэнь Цисю перешел к выводу о том, что у современного империализма есть лишь одна сущность и его не нужно делить на «белый» и «красный». Постановка проблемы свидетельствует о том, что практика отождествления СССР с «красным империализмом» к тому времени уже получила распространение в Китае. Чэнь Цисю признал, что подобное наименование существует, оно пришло из маленьких стран, расположенных вдоль границы СССР — Польши, Румынии, Финляндии. Это буферные государства империализма, которые созданы при его поддержке. Они сталкиваются с империалистическим угнетением и вместе с тем вынуждены выражать ему признательность. Они не боятся экономической империалистической агрессии со стороны СССР, но при этом им приходится испускать «боевой клич», из которого пришло название «красный империализм». Чэнь Цисю заявил, что это словопотребление ограничивается малыми буферными государствами, за их пределами деления империализма на «белый» и «красный» нет.

Чтобы оценить теоретическую обоснованность формулировки «красный империализм», следует разобраться в том, является ли СССР страной финансового капитализма, осуществляет ли он колониальную экспансию. Чэнь Цисю заявил, что в царской России финансовый капитал был полностью из Англии, Франции и Бельгии, поэтому СССР отказался от царских долгов и оборвал связи с капиталистами этих стран. В СССР тем более не существует финансовый капитал, это государство пролетарской диктатуры, которое хочет соединиться с народами колониальных и полуколониальных стран для осуществления «мировой красной революции». По имеющейся информации, в СССР крайне недостает капитала, там ждут прихода зарубежных капиталистов. По сравнению с Западной Европой советская промышленность находится в зачаточном состоянии, поэтому страна может экспортировать сырье, но у нее нет возможности осуществлять агрессию против других стран с использованием капитала и товаров.

Таким образом, название «красный империализм» подходит СССР не больше чем «голова коровы к пасти лошади», оно не соответствует реальности. Чэнь Цисю признал, что СССР прилагает усилия к тому, чтобы в разных странах пропагандировать коммунизм, а среди угнетенных народов — борьбу с империализмом. Эта деятельность основана на убеждениях и на оценках интересов государства пролетарской диктатуры, это «их способ самозащиты, их план выживания».

Чэнь Цисю заключил, что если убеждения и оценки интересов отличаются, то китайцы могут выступать против СССР, они могут называть его «красным революционизмом» или «красным коммунизмом». Однако решительно не следует называть его «красным империализмом». «Почему? Потому что империализм наш враг, и если не признаем СССР как друга, то не обязательно из-за этого терять настоящего врага. Если признаем СССР в качестве красного империализма, это как раз соответствует расчетам империалистов перевести внимание на другую цель». Это подобно тому, как в период движения за покупку «национальных товаров» (*гохо*) и бойкот японской продукции, японские коммерсанты пишут на вывесках, что предлагают настоящий национальный товар и выступают против врага. «Враг может нас обмануть» — предупредил китайский ученый⁶.

Переплетение теоретических проблем империализма с конкретными аспектами политики в отношении СССР возникло на фоне Движения 30 мая, в котором «борьба с империализмом» стала на время общей целью КПК и Гоминьдана. Китайские авторы отмечают, что ленинская концепция империализма проникла в Китай еще в первой половине 1920-х годов, однако Движение 30 мая предоставило редкую возможность для широкой популяризации концепции империализма, ставшей общим символическим обозначением причин экономической отсталости

⁶ Чэнь Цисю. Империализм делится на белый и красный? — Чэньбао шэжуэй чжоукань, 6.X.1925.

Китая и его подчинения диктату иностранных держав. Расстрел британскими полицейскими 30 мая 1925 г. демонстрантов в Шанхае сделал негативный образ империализма узнаваемым и понятным для людей, однако проблемы непонимания накопились еще до этого. В частности, бытовали представления о том, что во главе империалистического государства обязательно должен находиться император, и потому демократические страны Запада империалистическими не являются. Равным образом отождествление империализма с территориальной оккупацией выводило за эти рамки политику ряда западных стран в отношении Китая⁷.

Инструментом преодоления этих заблуждений служило смещение акцента в трактовке империализма с политических на экономические аспекты, с преимуществ держав в военной силе — на полученные империалистами благодаря неравноправным договорам привилегии, ставшие препятствием для развития Китая. Рассуждения Чэнь Цисю о приоритете экономической сущности империализма по отношению к политической стали отражением этих тенденций.

ЧЖАН СИЖО ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ РОССИИ

Бескомпромиссным оппонентом Чэнь Цисю выступил политолог Чжан Сижо (1889—1973). Он был убежденным сторонником политической демократии, в юности вступил в борющуюся за свержение монархии революционную Союзную лигу (Тунмэнхуэй), ему доводилось слушать выступления Сунь Ятсена.

В 1913 г. в возрасте 24 лет Чжан Сижо уехал учиться в США. Поначалу он хотел стать строительным инженером, препятствием стало отсутствие интереса к математике. Юноша пришел к выводу, что сможет помочь Китаю стать сильным и богатым, изучив западный политический строй. Он получил в Колумбийском университете степень магистра политологии. С 1913 по 1925 г. Чжан Сижо учился в США и Европе. За рубежом его знакомыми стали китайские студенты, обретшие впоследствии значительное влияние в интеллектуальных кругах — философ Цзинь Юэлинь, поэт Сюй Чжимо, историк Фу Сынянь.

Научные интересы Чжан Сижо в республиканский период были сосредоточены на проблемах политической демократии, истории и современности стран Европы. До начала в 1937 г. полномасштабной войны с Японией и эвакуации Университета Цинхуа на юг страны он создал курсы «История западной политической мысли», «Политическая философия Платона», «Политическая философия Руссо». Чжан Сижо снискал репутацию «китайского Ласки» (британский политолог Гарольд Ласки пользовался большим авторитетом среди китайских либералов первой половины XX в.), специалиста по истории западной политической мысли, знатока теории политического суверенитета⁸.

В 1925 г. Чжан Сижо заявил, что сперва хотел поспорить о том, можно ли разделить империализм на красный и белый⁹. Однако потом он понял, что главный тезис Чэнь Цисю заключается в том, что СССР является другом Китая и потому не нужно против него выступать. Опровержение свелось к указанию на логическую и фактическую ошибку в рассуждении. Чэнь Цисю исходил из того, что у Китая только один враг — империализм, и если страна не является империалистической, то она не враг и даже, возможно, друг.

Однако как у человека, так и у страны может быть больше чем один враг. Для Китая врагами являются как империалисты, так и коммунисты. Чжан Сижо обвинил коммунистов в том, что они «используют имя коммунизма для своей корыстной выгоды, в нашей стране с иной ситуацией используют молодежь со слабой си-

⁷ Wang Jianwei. The Chinese Interpretation of the Concept of Imperialism in the Anti-Imperialist Context of the 1920s. — Journal of Modern Chinese History, 2012, v. 6, № 2, p. 172.

⁸ Ван Кайлинь. «Бессмертная птица» Чжан Сижо. — Тунчжоу гунцзинь, 2012, № 9, с. 47.

⁹ (Чжан) Сижо. Советская Россия в конце концов является ли нашим другом? — Чэньбао фукань, 8.X.1925.

лой суждения, ученых с неглубокими знаниями и преследующих личные интересы политиков, они создают беспорядок, это тем более наш враг».

Чжан Сижо безапелляционно заявил, что СССР наносит Китаю больший вред, чем империалисты. «Империалистические страны высасывают наш капитал, скосывают наши руки и ноги, Советская Россия покупает нашу совесть, коррумпирует наши души. Империализм оглушает только наших бюрократов и военных, Советская Россия — нашу молодежь и ученых. После европейской войны империализм на словах провозглашает возвращение нам территориального суверенитета, Советская Россия без причин заняла нашу Внешнюю Монголию (ее китайские друзья объясняют, почему это было необходимо). Империалистические страны тайно помогают У Пэйфу и Чжан Цзолиню, Советская Россия в Гуандуне открыто назначает высокопоставленных военных и дипломатов!»

Дискуссия о Советской России происходила на фоне тесного сотрудничества между СССР и Гоминьданом, нуждавшимся во внешней помощи и союзе с КПК для достижения своих политических целей. Западная поддержка правившего в центральной части Китая милитариста У Пэйфу и державшего под своим контролем северо-восточные провинции Чжан Цзолиня казалась части пекинской интеллигенции делом менее опасным и предосудительным, чем советская помощь Гоминьдану. Чжан Сижо заключил, что если движимый корыстными помыслами СССР с использованием инструментов зла и насилия проникает повсюду в «не обладающей силой самозащиты стране», то как можно говорить, что это не враг.

Впоследствии стремление к демократии и неприятие авторитарной политики Гоминьдана привели Чжан Сижо в стан китайских коммунистов. Именно он в преддверии образования нового государства настоял на том, что в его название не нужно вставлять слово «демократическая» и слов «народная республика» будет достаточно. Его очень ценило китайское руководство. Высказанные им в 1957 г. критические замечания относительно стремления властей КНР к большим масштабам и быстрым успехам не стали поводом для причисления Чжан Сижо к «правым элементам». В годы «культурной революции» по распоряжению Чжоу Эньлая ему предоставили защиту и он не подвергался гонениям¹⁰.

С ноября 1952 по февраль 1958 г. Чжан Сижо был министром образования КНР. Это был период активного сотрудничества между Китаем и СССР, когда происходила перестройка китайской образовательной системы по советскому образцу. В должности министра Чжан Сижо пришлось думать о том, как с максимальной пользой для страны использовать советский опыт. Он призывал учиться у СССР в проведении реформы системы образования с учетом китайской реальности, говорил как о недопустимости надменного отказа от учебы от СССР, так и о неприемлемости копирования советского опыта и книгопоклонства. Чжан Сижо рекомендовал использовать атмосферу дружбы между двумя странами для того, чтобы отправлять китайских студентов на учебу в СССР, использовать советских специалистов для повышения квалификации преподавателей китайских вузов, организовывать поездки китайских специалистов по Китаю для чтения лекций и проведения семинаров¹¹.

В 1925 г. неприятие политики Советской России сочеталось у Чжан Сижо с весьма жесткой трактовкой пределов свободы печати. Первая часть опубликованного письма с критикой статьи Чэнь Цисю была адресована редакции приложения «Чэньбао фукань». Чжан Сижо заявил, что по важным общественным вопросам нужен «единый акцент», если же сегодня говорят одно, а завтра другое — это «детский подход». Он напомнил, что газета «Чэньбао» выступает против коммунизма и Советской России, в то время как многие не осмеливаются высказываться на эту тему. Даже если газета поступает так из-за неприязни к давним соперникам из

¹⁰ Ван Кайлинь. «Бессмертная птица» Чжан Сижо. — Тунчжоу гунцинь, 2012, № 9, с. 49.

¹¹ Ян Ланьин. Краткий обзор образовательной мысли Чжан Сижо. — Хунань шифань дасюэ шэхуэй кэсюэ сюэбао, 2010, № 4, с. 85.

партии Гоминьдан, она демонстрирует, что ее позиция не зависит от рубля, т.е. от финансовой поддержки СССР, и от расхожих воззрений, и это вызывает уважение. Чжан Сижо посоветовал обращать внимание на содержание публикаций не только на страницах новостей, но и на комментарии в приложении, чтобы не позволить просочиться враждебной пропаганде. Он признал, что не стал бы выступать с критикой, если бы «Чэньбао фукань» не напечатала статью Чэнь Цисю, «ведущего пропаганду в пользу Советской России».

Заявление о том, что у газеты должна быть одна последовательная политическая позиция, не допускающая иных мнений, было странным для недавно вернувшегося из-за границы поборника западной демократии. Еще более настораживающим стал призыв не допускать «проникновение вражеской пропаганды». Фактически Чжан Сижо назвал Чэнь Цисю врагом и советским агентом, сумевшим пробраться в антисоветскую крепость «Чэньбао». По сути дела Чжан Сижо «защищал то, что будут практиковать радикальные последователи Гоминьдана, которых он критиковал»¹².

Редактор приложения «Общество» Лю Мянцзи ответил, что не согласен с идеями «красного коммунизма», но считает статью Чэнь Цисю вполне соответствующей критериям публикации. Он призвал не смешивать редакционные статьи в газете «Чэньбао» с материалами приложения, поскольку в первом случае речь идет о политике, а во втором — о науке. Ценность приложения именно в том, чтобы обнародовать взгляды, которые могут не соответствовать статьям в «Чэньбао». Главный редактор «Чэньбао фукань» Сюй Чжимо заявил о необходимости продолжить обсуждение: «Проблема Китая в отношении России, вплоть до похожих вопросов коммунизма и Китая, а также компартии внутри страны, до сегодняшнего дня остается большим фурункулом, который не оперировали и не вскрывали, внутри накопился гной до невозможной степени. Одновременно с этим мы больше ни на мгновение не можем игнорировать явления открытого и скрытого беспорядка в разных местах. Если даже в это время меньшинство обладающих независимыми воззрениями людей опять не использует скальпель разума, чтобы прямо рассечь сердцевину этой неотложной проблемы, я боюсь, что если мы промедлим, чтобы съесть еще блюдо и выкурить еще одну сигарету, то будем из-за этого сильно раскаиваться»¹³.

Подход редакции к дискуссии о Советской России сочетал приверженность свободе высказывания разных мнений с выражением нескрываемого недовольства «беспорядком», причиной которого было принято считать иностранную коммунистическую пропаганду. Работавший в то время в Пекине советский литератор и публицист С. М. Третьяков вспоминал, что при посещении редакции «Чэньбао» редакторы были предупредительными, но «холодноато настроенными» в его адрес «как советского человека — “красного империалиста”»¹⁴.

МАРКСИСТСКАЯ ИДЕОЛОГИЯ И КИТАЙСКИЕ ИНТЕРЕСЫ

Спор о «красном империализме» перерос в обсуждение перспектив отношений между Китаем и СССР. Китайские авторы полагают, что участников дискуссии можно условно разделить на три группы — сторонников союза с Россией, сторонников вражды с Россией и прагматиков. Их подходы можно упрощенно обозначить как революционную позицию, государственническую позицию и позицию интересов. Предполагается, что китайские сторонники России хотели вместе с СССР бороться с империализмом и продвигать мировую революцию, тогда как враждеб-

¹² *Xu Xiaohu*. Cosmopolitanism, Nationalism, and Individualism in Modern China: The Chenbao Fukan and the New Culture Era, 1918—1928. Lanham, 2014, p. 43.

¹³ *Сюй Чжимо*. От Советской России еще раз вернемся к приложению — послесловие к публикации господина (Лю) Мянцзи. — Чэньбао фукань, 10.X.1925.

¹⁴ *Третьяков С. М.* Чжунго. Очерки о Китае. Второе доп. издание. М.—Л., 1930, с. 231.

ные к России силы стояли на позициях этатизма и проявляли высокую степень недоверия к Москве¹⁵.

Обращение к материалам дискуссии показывает, что водораздел между этими позициями в ряде случаев был условным. Получивший образование в США и Германии обществовед Чэнь Ханьшэн (1897—2004) стоял на позициях КПК, однако обосновывал необходимость альянса с СССР прагматическими мотивами¹⁶.

Ученый исходил из того, что «отношения между государствами — это целиком отношения интересов (буквально: пользы и вреда, кит.: *ли хай гуаньси*)». Если для Китая от союза с СССР польза, или пользы больше чем вреда, тогда нужно заключать союз. Напротив, если от него вред, или вреда больше чем пользы, тогда не стоит вступать с СССР в союз. Чэнь Ханьшэн заявил, что, по его мнению, от развития отношений между двумя странами пользы много, а вреда — мало.

Чэнь Ханьшэн призвал не погружаться в теоретизирование о сущности компартии и вместо этого сосредоточить внимание на китайских интересах в международных делах. По его оценке, Англии удалось стабилизировать свое положение, Япония грабит Китай по примеру других империалистических стран, а позитивные в отношении Китая заявления США являются лживыми. Международная ситуация такова, что Китай оказался в одиночестве, и это существенный довод в пользу создания союза с СССР.

Также необходимо поддерживать экономические связи с СССР. Между двумя странами длинная общая граница, это естественные соседи, при враждебности или дружбе им нужно сосуществовать друг с другом. Чэнь Ханьшэн отметил, что поставки в Советский Союз китайского чая из пояса реки Янцзы и соевых бобов из Маньчжурии на подъеме, из СССР Китай получает керосин и древесину. Поскольку советские поставки конкурируют с международными нефтяными корпорациями и североамериканским лесом, это дает возможность получить более выгодную цену. Если торговое сотрудничество с СССР будет развиваться, то чайный рынок перестанет быть полностью монополизированным Англией, а при экспорте соевых бобов исчезнет необходимость слушать распоряжения Японии и США.

Третий довод в пользу союза с СССР был обоснован ссылкой на мнение американской журналистки А. Л. Стронг и редактора англоязычной газеты The Peking Leader Г. Кларка. Они полагали, что советская политика в отношении Китая нацелена на избавление Китая от британского контроля, при этом политика СССР не касается изменений в китайской политической системе. По мнению Чэнь Ханьшэна, поверить в это нетрудно. В СССР не забыли о британской политике блокады и всеми силами хотят предотвратить объединение Британии с Китаем. Если британская политика совместного управления Китаем одержит верх, это неизбежно создаст болезненные проблемы для СССР.

Чэнь Ханьшэн уклончиво заметил, что не располагает точной информацией о деятельности СССР во Внешней Монголии. Вместе с тем он заявил, что даже если у советской стороны там есть какие-то темные замыслы, то ради неотложного сопротивления Великобритании «можно временно пожертвовать частью прав, чтобы сперва решить большую задачу: терпеть малое и стремиться к большому». Обладавший широкой эрудицией в международных делах ученый привел сходные примеры союза Италии с Францией и одновременно с Германией, Турции — с Францией и одновременно с СССР.

В Китае есть силы, которые считают советскую пропаганду коммунизма наносящей вред внутренней политике Китая и способной спровоцировать вооруженное вторжение Англии, США и Японии. Они желают союза с СССР, но считают это де-

¹⁵ Бай Шаохуэй. «Красные — белые» и «вражда — дружба»: вкратце о дискуссии пекинской интеллигенции в 1925 г. о «союзе с Россией и вражде с Россией». — Наньцзин чжэнчжи сюэяньбао, 2008, № 6, с. 68.

¹⁶ Чэнь Ханьшэн. Доводы в пользу союза с Советской Россией. — Чэньбао шэхуэй чжоукань, 27.X.1925.

лом невозможным. По мнению Чэнь Ханьшэна, эта позиция обусловлена незнанием ряда обстоятельств. Международную пропаганду можно ограничивать, но нельзя запретить; СССР сам еще не осуществил коммунизм; СССР понимает, что Китай не может осуществить коммунизм; в Китае СССР ведет пропаганду и поднимает массы на создание республиканского правительства и на отказ от скрывающих неправомерных договоров.

Другие считают, что беспорядок в китайском обществе возник из-за компартии и поддержки ее деятельности из СССР. Эти люди не знают, что деятельность милитаристов создает намного больше беспорядка; что милитаристов поддерживают политики, внутренние и иностранные капиталисты; что когда красные патриотические силы вступают в смертельную схватку с милитаристами, политиками, внутренними и иностранными капиталистами, то им легче всего получить сочувствие от СССР и они легче всего ориентируются на СССР.

Чэнь Ханьшэн напомнил, что 300 лет назад во время религиозных войн в Европе католические страны вступали в союз с протестантскими государствами против других католических стран. Так почему же в наши дни некоммунистической стране нельзя вступить в союз с «коммунистической страной» ради того, чтобы покончить с империалистическим разграблением?

Он предостерег, что Великобритания, потерявшая в результате Первой мировой войны экономическую силу, обязательно будет пытаться политическими средствами заполучить огромный Китай. Настоящими врагами являются Англия и другие империалистические страны, намеревающиеся совместно управлять Китаем или разделить его. Чтобы сопротивляться этому врагу, можно войти в союз с СССР. Однако самое важное — старательно осуществлять национальную революцию, создать обладающее жизненной силой и честностью правительство. Если не будет хорошего правительства, китайское государство погибнет что в союзе с СССР, что без этого союза. В заключение Чэнь Ханьшэн призвал больше исследовать реальные интересы и поменьше заниматься теоретической болтовней.

Сходным образом на языке интересов и практики говорил геолог и общественный деятель Дин Вэньцзян (1887—1936), оставивший заметный след в дискуссиях республиканского периода. В споре начала 1920-х годов он был на стороне объективности научного знания против расплывчатости интуитивной метафизики, а в первой половине 1930-х годов выступил против демократии за создание в Китае «диктатуры нового типа», ориентированной на задачи модернизации¹⁷.

Выступление Дин Вэньцзяна в дискуссии о Советской России развивает проходившую в 1919—1920 гг. полемику о «проблемах и -измах». Тогда подчеркивавший важность общественной теории для преобразования Китая марксист Ли Дачжао спорил с либеральным мыслителем Ху Ши, призывавшим сосредоточить внимание на конкретных проблемах, а не на абстрактных учениях («-измах»). Развивая позицию Ху Ши, Дин Вэньцзян заявил: «У нас китайцев сейчас нет имущества для обобществления (у чань кэ гун), поэтому нет возможности рассуждать об «-измах»¹⁸. Эта фраза недвусмысленным образом говорила, что коммунизм (кит. «учение общего имущества») не является для Китая актуальным вопросом.

Дин Вэньцзян посетовал, что научные круги не исследуют реальность и вместо этого предпочитают высокие рассуждения об «-измах». Он заметил, что на деле для Китая не важно, увенчалось обобществление имущества в России успехом или провалом. Но все же он попытался показать, что в России шансов на положительный исход подобной политики больше, чем в Китае. Хотя Россия является самой населенной страной Европы, она располагает большими неосвоенными земельными ресурсами в Сибири, их обобществление и обработка способны обеспечить

¹⁷ Ломанов А. В. Эволюция китайского либерализма в 20—30-е годы XX века: интеллигенция и власть. — Новая и новейшая история, 2015, № 3, с. 39—40.

¹⁸ Дин Вэньцзян. Рассуждаю о проблеме России. — Чэньбао шэжухэй чжоукань, 3.XI.1925.

людей продовольствием. Тем временем в Китае земли очень мало, делить нечего. Обратившись к статистике народонаселения и земельных ресурсов, Дин Вэньцзян подсчитал, что в случае обобществления земли каждый китаец получит по два му (один му — 0,067 га. — А. Л.).

Предвосхищая упрек в забвении об имуществе «новых капиталистов», он провел сходную математическую операцию деления в отношении капиталов горнодобывающей промышленности, текстильной индустрии и банков. Даже при добавлении новых отраслей — мукомольной промышленности, химии, электростанций, маслозаводов — в случае обобществления каждый гражданин Китайской республики получит не более двух серебряных долларов. «Если мы спокойно подумаем, ради двух му земли и двух серебряных долларов стоит ли продвигать социальную революцию, классовую борьбу?».

Дин Вэньцзян заявил, что если выступающие за общее имущество люди смогут подтвердить, что благодаря обобществлению производительные силы возрастут, тогда он тоже поддержит общее имущество. Однако, по его словам, даже пропаганда Советской России не может не признавать, что после обобществления производительные силы уменьшились и не выросли. Китайские интеллектуалы, включая самого Дин Вэньцзяна, пересмотрели отношение к советской модели в лучшую сторону лишь в 1930-е годы на фоне успеха в осуществлении первого пятилетнего плана.

В середине 1920-х годов аргументация была нарочито упрощенной и призванной подчеркнуть, что идеология коммунизма не способна решить острые проблемы Китая. По словам Дин Вэньцзяна, 99 % населения не знает, как будет жить завтра. В деревне безработные идут в солдаты, в городах они становятся рикшами, если нет — то бандитами или умирают от голода. Тем временем образованные люди не думают о развитии производства, вместо этого они призывают к обобществлению имущества. Ученый заметил, что не решается называть их «цепными псами», получающими русские деньги, но эти люди как минимум не обладают знаниями и слепо следуют бессмысленным «-измам».

Дин Вэньцзян заявил, что во внешней политике Китаю не нужно создавать союз ни с одной страной, тем более с Советской Россией. Он предупредил, что «союз с иностранцами для изменения внутренней политики своей страны всегда приводит к поражению». При создании союза с другим государством Китаю нужно самому обладать соответствующей силой, иначе другая сторона будет его использовать. К тому же в Китае нет единого правительства, что снижает заинтересованность иностранцев в создании союза.

Ученый напомнил о событиях истории. После китайско-японской войны высокопоставленный сановник цинского двора Ли Хунчжан заключил в 1896 г. союз с Россией, «передал Северную Маньчжурию в руки русских, нам ее до сих пор не вернули». После русско-японской войны многие в Китае слушали японцев, рассуждали об «общей письменности и общей расе». Однако в начале 1915 г. Япония предъявила Китаю «двадцать одно требование», выполнение которых означало принятие экономического и политического диктата со стороны Токио.

Дин Вэньцзян заметил, что сторонники союза с Россией утверждают, что она отличается от империалистических стран, у нее нет корыстных помыслов в отношении Китая. Ученый заявил, что четко осведомлен о советской деятельности в Северной Маньчжурии и Внешней Монголии. Он уделил большое внимание советско-монгольскому военному сотрудничеству и даже воспроизвел подробный список советских военных поставок.

Развивая линию прагматической аргументации, ученый напомнил, что из-за политики коммунизма Советская Россия переживает трудности, западные страны проводят в ее отношении политику блокады. Он предупредил, что в случае союза с Россией Китай может столкнуться с аналогичными проблемами: взять его в блокаду будет легче, чем Советскую Россию. Дин Вэньцзян упрекнул Москву в том, что

оказавшись в международном одиночестве, она желает утянуть Китай «за собой в ад». Поскольку ничего хорошего от союза с Россией ждать не приходится, Китаю не следует приносить эту жертву.

По мнению китайского ученого, Советская Россия может говорить, что приносит жертвы ради «-изма». При непредвзятом отношении к идеологии коммунизма можно заметить, что практических успехов у нее немного. Советские попытки повлиять на китайскую внутреннюю политику Дин Вэньцзян оценил негативно, подчеркнув, что государства, успешно осуществившие революцию, являются независимыми и не опираются на помощь соседей. Он подчеркнул, что даже если у Советской России и впрямь нет корыстных помыслов, Китай не может на нее опираться для изменения своей внутренней политики.

Дин Вэньцзян продемонстрировал осведомленность в российских событиях, заявив, что лидеры «антикоммунистической белой партии» наподобие Колчака и Деникина получили от иностранцев большую помощь, но все они потерпели поражение. Ученый призвал китайцев учиться у Советской России ее достоинствам — духу независимости, храбрости в борьбе, решимости приносить жертву. Если китайцы перестанут бояться окруживших их страну империалистов, сколько бы их ни было, то им не нужно будет создавать союз с Советской Россией и превращаться в «цепных псов».

Ученый завершил текст упоминанием о том, что обращается к «чистым» гражданам, поскольку тех, кто получает деньги от Советской России, его слова не трогают. Он призвал редактора Лю Мянъци быть осторожнее и не превращать приложение к «Чэньбао» в «инструмент пропаганды».

ЕСТЬ ЛИ В РОССИИ «КОММУНИЗМ»?

В 1925 г. в обсуждении «проблемы России» принял участие известный мыслитель и общественный деятель Лян Цичао (1873—1929). Он исходил из того, что «красный империализм» наряду с империализмом является врагом Китая. Косвенно признавая теоретическую аргументацию Чэнь Цисю, он согласился с тем, что «красный экономический империализм» или «красный капиталистический империализм» существовать не может.

Однако остается пришедший из истории политический империализм. На этом основании Лян Цичао заявил, что Советская Россия является «квинтэссенцией» и «большим дьяволом» империализма. Поскольку «легче сдвинуть горы и реки, чем изменить характер человека», национальный характер (гоминьсин) государства после смены вывески также остается прежним. Мыслитель безапелляционно заявил, что русская политика — это только диктатура внутри и только агрессия вовне, «иначе они не могут». Поэтому неважно, советский или несоветский, красный или не красный, ничего не меняется. Маркс — воплощение греческого православного патриарха, Ленин — реинкарнация Петра Великого. Раньше русский народ преклонял колени перед царем, теперь — перед ЦИКом. Раньше Китай для русских царей был «идеальным баннным подворьем», а теперь превратился в площадку для бросания мяча под красным флагом. «Советская Россия! Тебе нужно доказать, что ты не империализм? В какой день ты остановишь деятельность в Китае, в тот же день мы тебе поверим. Однако сможешь ли ты?»¹⁹.

Лян Цичао сформулировал встречное возражение, которое обязательно прозвучало бы со стороны Советской России: «Я отношусь к вам без агрессии, однако я считаю, что наш коммунизм хороший, вы этого не понимаете, хлебнули горя, я вместо вас буду пропагандировать, делать революцию, спасать вас». По этому поводу китайский интеллектуал процитировал слова древнего мудреца Чжуан-цзы о необходимости четкого разделения обязанностей в соответствии с ритуальными

¹⁹ Лян Цичао. Фу Отвечаю (Лю) Мянъци по поводу обсуждения проблемы России. — Чэньбао шэхуэй чжоукань, 27.X.1925.

установлениями: «Если повар не приготовил кушанья, покойник и жрец не станут его заменять и подносить чаши с жертвенными яствами»²⁰.

По мнению Лян Цичао, достаточно того, что внутри Китая «великие люди» пытаются делать революцию вместо народа — а тут еще иностранцы готовы выступить в качестве «замены». Неважно, делает иностранное государство вместо китайцев хорошее или плохое, тем самым оно все равно ставит их в положение опекаемых, малых детей, рабов. И если это не империализм, то, что такое тогда империализм? Иностранцев не заботит, подходит ли Китаю коммунизм и должна ли Советская Россия как иностранное государство строить его вместо китайцев.

Мыслитель назвал несостоятельными ссылки на то, что Советская Россия поддерживает коммунистическое движение во имя коммунизма. По его словам, коммунистическим государством она не является, о чем свидетельствует НЭП. «Бесхитростная романтическая молодежь! Слушайте! Вы верите в коммунизм, а у людей, которые учат вас вере, веры нет. Маркса уже давно выбросили в туалет...». В эмоциональной форме Лян Цичао пытался убедить молодежь в том, что ее обманывают, что современное положение в Советской России являет огромный успех для «коммунистов» и огромное поражение для коммунизма. В этой ситуации преданность коммунистической идеологии становится опасной, она имеет мало общего с возвышенными идеалами молодежи.

Пытаясь выразить свою мысль в понятном для молодежи политическом лексиконе, Лян Цичао утверждал, что Советская Россия хочет стать страной «государственного капитализма». Он предупреждал, что агрессивных устремлений у госкапитализма больше, чем у частного капитализма, в десятки, сотни и даже тысячи раз. Ответ Лян Цичао на вопросы о том, существует ли «красный империализм» и является ли СССР империалистической страной, гласил: «Советская Россия — это серо-красный империализм государственного капитализма».

В первые годы XX в. Лян Цичао одним из первых познакомил китайскую интеллигенцию с социализмом и учением марксизма. Однако к началу 1920-х годов он пришел к выводу, что их осуществление в Китае недопустимо. Он исходил из того, что в китайском обществе нет экономических предпосылок для осуществления социалистической революции, нет рабочего класса, пришедшая из Европы революционная социалистическая идеология не подходит для Китая²¹. Критика Советской России стала для Лян Цичао частью процесса пересмотра собственного отношения к социалистической теории.

Еще одним участником дискуссии стал получивший образование в США политолог Чжан Вэйцы (1890—1976), проявивший в 1919 г. позитивный интерес к новшествам в политике Советской России. Осенью 1925 г. он стремился доказать важность изучения происходящего в соседней стране. Чжан Вэйцы заметил, что в предшествующие годы большинство китайцев о российских делах не слышали и не спрашивали. Некоторые, увидев политические манифесты советского правительства, решили, что Россия действительно может помочь Китаю сопротивляться политике агрессии других государств, и потому рассматривали ее как друга. Однако на деле обещания и дела России не совпадают: «Мы, китайцы, склонны обращать внимание на пустые слова и не стремимся понять реальные тенденции, естественно очень легко были искушены хитрыми словами советского правительства»²².

Как бы то ни было, по мнению Чжан Вэйцы, политика и действия России будут оказывать большое влияние на Китай, и потому «проблема России» является важной и актуальной. Внимание к теме стало больше, об этом свидетельствует дискуссия о «красном или белом, дружбе или вражде». Но эти вопросы относятся к сфере идей или внешней политики России, они мало затрагивают ситуацию

²⁰ Мудрецы Китая: Ян Чжу, Ле Цзы, Чжуанцзы. СПб., 1994, с. 125.

²¹ Сюй Цзинбо. Первая встреча китайской культуры и марксизма — на примере Лян Цичао. — *Макэсычжуй юй сянньши*, 2015, № 3, с. 152—153.

²² Чжан Вэйцы. Я тоже поговорю о Советской России. — *Чэньбао фукань*, 2.XI.1925.

внутри России. А ведь внутренняя политика России влияет на будущее Китая не меньше, чем политика внешняя. В качестве примера внимательного отношения к России Чжан Вэйцы назвал Германию, где неизменно уделяют большое внимание ее изучению, прежде всего в экономике. Тем временем китайские споры о России изобилуют субъективными оценками, им недостает объективного подхода.

«Красная идеология» — это не проблема вражды к России или дружбы с ней, она также не является проблемой научной теории. Чжан Вэйцы подчеркнул, что это практическая проблема, которая требует досконально разобраться в том, что представляют экономическая организация и жизнь народа в России в условиях господства «красной идеологии».

Для начала следует оценить ситуацию в России с точки зрения осуществимости поставленных во время революции 1917 г. целей. Минувло восемь лет, появилась возможность сравнить замыслы с реальностью. Чжан Вэйцы предположил, что сразу после революции у власти в России стояли идеалисты, исходившие из «материалистического взгляда на историю», в соответствии с которым рабочие без зарплаты каждое утро будут приходить к воротам завода, а крестьяне будут весь день трудиться для того, чтобы отдать урожай государству. Потом правители России обнаружили, что экономическая жизнь отличается от их научных принципов — лишившиеся прибыли хозяева закрыли заводы, рабочие начали бастовать, крестьяне перестали обрабатывать землю. Чтобы строй не рухнул, власти изменили политику, они «отменили коммунизм» и в марте 1921 г. ввели НЭП.

По мнению Чжан Вэйцы, этот поворот не означал полного восстановления прежнего капиталистического строя, однако осталось неясным, насколько НЭП отделился от провозглашенного в качестве канона марксистского учения. После этого за работу начали выдавать зарплату по разряду, частная коммерция была признана законом. Китайский автор указал на то, что знаменитый певец Ф. И. Шаляпин одним из первых заставил правящую компартию смириться с экономическим неравенством, когда потребовал достойной оплаты своего труда. Вслед за этим исключений из правила уравнительного вознаграждения становилось все больше, они затронули технический персонал на заводах, в первую очередь в военной сфере.

НЭП возник не случайно, к нему стремились все стороны, и правительство России было вынуждено отступить. Исследователь отметил, что самое большое поражение коммунистическая система потерпела в российской деревне. Обобществление имущества и земли вызвало встречную реакцию, началась «крестьянская революция», в 1919—1920 гг. в деревнях вспыхнули восстания против власти, последствием стал голод 1921—1922 гг. В результате советской власти пришлось уступить. НЭП уделяет внимание интересам крестьянства, система земельной собственности и система налогообложения претерпели изменения. Чжан Вэйцы оценил эти перемены как переход правительства Советской России к политике «невмешательства» в деревне. Крестьяне получили землю в пожизненное пользование и отдают государству определенную часть урожая, поэтому «коммунистического строя» в деревне больше нет.

Советские руководители хорошо понимают ситуацию, они могут отступать и могут наступать, они без страха «едут на спине у тигра» и могут при необходимости прыгнуть. Это означает, что в будущем в Советской России могут появиться другие изменения, не исключено появление «нового НЭПа». Чжан Вэйцы заявил, что в интересах Китая постоянно обращать внимание на действия и политику советского руководства, «рассматривать Советскую Россию как проблему нашего Китая».

ПРОБЛЕМА ИМПЕРИАЛИЗМА ПОСЛЕ ДИСКУССИИ 1925 года

Дискуссия о Советской России 1925 г. охватила несколько взаимосвязанных вопросов. Спор о том, возможен ли «красный империализм», стал поводом для обсуждения советской политики в Китае и оценки СССР как друга либо врага. Не менее важной оказалась тема советского пути развития и возможности его за-

имствования Китаем. «Обращение к изучению возможности использования опыта других стран, проведение сравнительного анализа достоинств и недостатков того или иного пути применительно к Китаю свидетельствует о расширении мировоззрения китайских интеллектуалов, о повышении их идейного уровня, о выходе их идей за рамки чисто просветительской работы, что было характерно для начального этапа “Движения за новую культуру”»²³.

Подобно тому, как Движение 30 мая знаменовало переход китайской политики к этапу революции, дискуссия о Советской России стала указанием на завершение просветительского этапа в освоении китайской интеллигенцией идей социализма и опыта русской революции. Ряды просветителей разделились на сторонников сближения с СССР и на тех, кто видел в нем опасного врага. Рост патриотических настроений в период Движения 30 мая стимулировал критические оценки советских подходов к проблеме КВЖД и Внешней Монголии, поддержке коммунистического движения и предоставления помощи Гоминьдану. Российские исследователи отмечают: «Было вполне очевидно, что вопрос о “красном империализме”, возникший в результате проводившейся Караханом сталинской внешней политики, превратился к этому времени в проблему, серьезно волновавшую китайскую интеллигенцию»²⁴.

Вместе с тем вопрос «красного империализма» был также связан с антиимпериалистической волной, охватившей Китай в период Движения 30 мая. Массированная пропаганда расплывчатой концепции империализма имела успех и привела к попыткам применить ее не только к Великобритании и Японии, но также к СССР, что не соответствовало интересам КПК и Гоминьдана. Этатисты из группы «Пробуждающийся лев» соперничали с коммунистами в борьбе за руководство антиимпериалистическим движением под лозунгами «внутри без соглашательства, вовне без дружбы», «внутри искоренять предателей государства, вовне сопротивляться силовой политике»²⁵. Эта версия «антиимпериализма без интернационализма» отвергала идею создания альянса с СССР для противостояния Великобритании и Японии. Ее влияние испытали китайские интеллектуалы, заявлявшие о равной степени настороженности в отношении политики западных держав и СССР.

После того как в 1926 г. Народно-революционная армия начала Северный поход за объединение страны, антиимпериалистическая пропаганда была нацелена в первую очередь на «внутренних приспешников» иностранных империалистов — на китайских компрадоров и милитаристов. Позднее эта трактовка империализма охватила также китайских бюрократов и капиталистов. «К этому времени интерпретация империализма отошла от чисто научной дискуссии и стала частью политической пропаганды политической идеологии, инструментальные характеристики которой становились все более и более очевидными»²⁶.

Китайские исследователи отмечают, что после распада союза КПК и Гоминьдана тема империализма как общего внешнего врага ушла на задний план. Она вернулась в поле внимания общества десятилетие спустя вместе с Войной сопротивления Японии и сплочением патриотических сил ради совместной борьбы против «японского империализма».

В июле 1936 г., за год до начала полномасштабной японской агрессии против Китая, тема «красного империализма» присутствовала в беседе Мао Цзэдуна

²³ Верченко А. Л. О некоторых путях проникновения идейного и культурного влияния России на Китай после Октябрьской революции. — Россия — Китай: история и культура. Сборник статей и докладов участников X Международной научно-практической конференции. Казань, 2017, с. 75.

²⁴ Крюков В. М., Крюков М. В. Весна и осень революционной дипломатии: первое десятилетие советской политики в Китае. Т. 2. 1922—1926 гг. М., 2015, с. 1096.

²⁵ Ао Гуаншуй. Этатизм и спор о «дружбе с Россией и вражде с Россией» — анализ позиции северных интеллектуальных кругов во время Движения 30 мая (начало). — Шэньхуэй кэсюэ яньцзю, 2007, № 6.

²⁶ Wang Jianwei. The Chinese Interpretation of the Concept of Imperialism in the Anti-Imperialist Context of the 1920s. — Journal of Modern Chinese History. 2012, v. 6, № 2, p. 178.

с американским журналистом Эдгаром Сноу²⁷. Тот спросил, чем помощь СССР китайскому советскому движению будет отличаться от прошлой деятельности империалистов в Китае и почему обвинения в «красном империализме» являются абсурдными.

В ответ Мао Цзэдун заявил, что появление понятия «красный империализм» свидетельствует о наличии творческих способностей у японских и китайских фашистов, стремящихся подчинить себе Китай. Он заметил, что если «красный империализм» действительно существует, то гоминьдановское правительство в Нанкине обязано ему своей жизнью. Мао Цзэдун напомнил, что в середине 1920-х годов, когда Сунь Ятсен возглавлял гоминьдановскую революцию, прибывшие из СССР политический советник Бородин и генерал Галин (Блюхер) помогли Гоминьдану. КПК сотрудничала с Гоминьданом, коммунисты руководили лучшими кадрами националистического движения, и в то время ни один член Гоминьдана не говорил о «красном империализме».

Отечественные исследователи подтверждают, что состоявшийся осенью 1923 г. визит военной делегации Гоминьдана в СССР проложил путь к созданию национальных вооруженных сил. «В целом, Сунь Ятсену импонировал революционный энтузиазм страны Советов и Коминтерна. В известной степени Гоминьдан чувствовал свою сопричастность к мировому коммунистическому движению, вернее, к его антиимпериалистическому аспекту. Читая документы, связанные с визитом военной делегации Гоминьдана в Советскую Россию, ощущаешь искренность порыва Гоминьдана к единению с партией большевиков, сумевшей отстоять государственную суверенитет в борьбе с многочисленными противниками»²⁸.

В беседе с Эдгаром Сноу Мао Цзэдун заявил, что после того, как Гоминьдан стал контрреволюционным, предал принципы Сунь Ятсена, начал угнетать крестьян и рабочих, пошел на уступки империализму, его худшие элементы создали эпитет «красный империализм», который стал в реакционной прессе инструментом маскировки их собственного предательства. Объяснение Мао Цзэдуна представляет интерес, поскольку сообщает о появлении понятия «красный империализм» после произошедшего в 1927 г. контрреволюционного поворота в политике Гоминьдана. На деле Гоминьдан его не создал, а лишь перенял у своих критиков. Тема «красного империализма» присутствовала в китайских СМИ еще в первой половине 1920-х годов, а в 1925 г. стала поводом для оживленной дискуссии. Эти исторические детали Мао Цзэдун оставил в стороне. В первую очередь он хотел подчеркнуть, что силы, использующие лозунг «красного империализма», на деле выступают против народной революции и получают помощь от иностранных империалистов. Отказавшись от сотрудничества с СССР и КПК, Гоминьдан утратил дух революции и встал на путь территориальных уступок Японии.

Сложившуюся к лету 1936 г. ситуацию внутри Китая Мао Цзэдун оценил как бескомпромиссное противостояние между двумя лагерями. «Первый, возглавляемый Японией, состоит из предателей и реакционеров, которые вместе с японским империализмом формируют так называемый Антикрасный фронт; второй состоит из подавляющего большинства китайского народа и из тех стран, которые сочувствуют китайской революции, а это фронт против японского империализма. Антикрасный фронт основан на сотрудничестве с японским империализмом. Антияпонский фронт основан на сотрудничестве с СССР и теми странами, которые сочувствуют борьбе Китая за независимость. Антикрасный фронт означает национальное порабощение, антияпонский фронт означает национальное освобождение.

²⁷ Interview with Edgar Snow on Special Questions (July 23, 1936). — *Mao's Road to Power. Revolutionary Writings*. V. 5. Toward the Second United Front, January 1935 — July 1937. New York, 1999, p. 286—288.

²⁸ *Мамаева Н. Л.* Советский Союз в политике Сунь Ятсена (некоторые аспекты). — *Проблемы Дальнего Востока*, 2017, № 4, с. 126.

Китайский народ должен постепенно собираться на одном или другом фронте, они непримиримы»²⁹.

В условиях роста внешней угрозы «борьба против красных» становилась синонимом предательства национальных интересов. Обновленная трактовка единого антиимпериалистического фронта готовила почву для возобновления сотрудничества между Гоминьданом, КПК и СССР в интересах совместного сдерживания японской агрессии против Китая.

²⁹ Interview with Edgar Snow on Special Questions (July 23, 1936), p. 287.